

© 2012 г.

Аркадий Мартынов

доктор экономических наук

заместитель директора Международного научно-исследовательского института
социального развития

(e-mail: socpolamv@mail.ru)

О ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ТРАКТОВКЕ СОВРЕМЕННОГО РЫНКА И РОССИЙСКИХ РЕАЛИЯХ

В статье рассматривается проблема теоретической интерпретации несовершенных (несовершенно конкурентных) современных рынков, исходя из существующих экономических реалий и, в частности, реалий российской экономики. Особое внимание уделяется феномену побочных эффектов, сопутствующих функционированию несовершенных рынков. Автором предлагается подход к институциональной структуризации экономической системы, позволяющий расширить возможности исследования и регулирования несовершенных рынков и побочных эффектов.

Ключевые слова: несовершенные и неполные рынки, корпоративное управление и регулирование, смешанная экономика, экономическая система, институциональные порядки, побочные эффекты.

Начнем с нелицеприятной констатации. В современной интеллектуальной среде давно сложилось устойчивое мнение о заведомой узости границ применения традиционной экономической теории и основанных на ней вербальных и эконометрических моделей. Сформировался и устойчивый взгляд на академическую экономическую науку как малопродуктивную область деятельности с точки зрения реальных общественных запросов. При этом в широких общественных кругах весомым авторитетом пользуются главным образом управленцы – экономические политики, такие, как неофициально признанный в качестве всемирного экономического гуру Бен Бернанке – глава Федеральной резервной системы США. В исследовательской же сфере в качестве авторитетов выступают исключительно профессора школ бизнеса – Майкл Портер, Оливер Уильямсон (теперь Нобелевский лауреат) и другие.

Однако сам опыт катаклизмов последних десятилетий в огромном числе стран и в целом в мире свидетельствует об острой потребности глубокого, не поверхностного понимания долговременных закономерностей экономического бытия в современном социуме. А оно достижимо с помощью фундаментальных научных знаний, а не конъюнктурных исследований. Но для этого экономическая теория, призванная выступать содер-

жательной основой для конкретных исследований, должна повернуться лицом к реалиям современной жизни. И в первую очередь это касается теории функционирования современного рынка как основного объекта экономической деятельности.

1. Несовершенство и неполнота современного рынка

Без всякого преувеличения, идеальная рыночная экономика по Адаму Смиту существует лишь в учебниках по микроэкономике для начинающих студентов. Тем не менее, иллюзия существования всеобъемлющего и эффективного рынка очень распространена.

Справочно. Теоретическая концепция справедливой, отвечающей социалистическому мировоззрению рыночной экономики принадлежит, как известно, Вильфредо Парето. Им было доказано, что оптимальное размещение ресурсов достигается на полностью конкурентных рынках при условии изначально справедливого распределения капитала и доходов. При этом, по крайней мере, в неявной форме в теоретических построениях Парето присутствовал экономический сектор «одиноких старателей».

В немалой степени иллюзии существования совершенно конкурентного рынка способствовала сама неоклассическая экономическая теория, центральным понятием которой является Парето-оптимальность или Парето-эффективность¹. Как доказано в теории, многие рынки, в их числе развитые рынки труда и инновационные рынки, по Парето, не эффективны².

Нельзя обойти вниманием и то обстоятельство, что концепция рыночного равновесия в неоклассической интерпретации оказалась очень далекой от действительности. В реальной экономической жизни имеет место множественность точек равновесия, обусловленная многоальтернативностью выбора решений разными экономическими агентами в отношении структуры инвестиций, направлений инновационной деятельности и т.д.

Проблемам конкуренции и эффективности посвящено огромное число научных публикаций. И в большинстве из них признается, что атомистической экономики просто не существует, а «невидимая» рука рынка действует только в ограниченном пространстве.

Можно утверждать, что в реальной рыночной жизни превалируют олигопольные или монопольно-конкурентные структуры, то есть рынки с

¹ Достаточно упомянуть о виртуозной мистификации Кеннетом Эрроу исходной концепции Парето для создания теории общественного выбора в русле современной неоклассики. См.: Arrow K. Social choice and individual values. Cambridge, 1951.

² Greenwald B., Stiglitz J. 1988. Pareto inefficiency of market economies. American economic review, v. 78, No. 2.

несовершенной конкуренцией. При этом сохраняется феномен естественной монополии в первичных (добывающих) отраслях, проявляющийся в расточительной трате рентных доходов на эксплуатацию новых месторождений ради предотвращения проникновения конкурентов.

Совершенной конкуренции просто не существует хотя бы по причине практики ограничения доступа на конкретные рынки, выражающегося в ограничении доступа покупателей к поставщикам и/или ограничении доступа поставщиков к покупателю. Вместе с тем конкурентные механизмы продолжают действовать в рамках современной экономики. И при определенном сочетании факторов весьма эффективно, как следует хотя бы из теории состязательных рынков Уильяма Баумоля¹.

Неотъемлемым атрибутом современной рыночной экономики выступает и ее институциональная неполнота. Самым непосредственным образом она проявляется в неполноте большинства действующих контрактов. Они постоянно нуждаются в пересмотре по мере существенных изменений состояния тех или иных рынков, происходящих в глобализируемой экономике с большой скоростью.

Также огромное значение в нынешних мирохозяйственных условиях имеет неполнота рынка капитала. Она особенно проявляется в неполном страховании рисков и неопределенности состояния фьючерсных рынков.

Институциональная неполнота рынков непосредственно связана с действием факторов неопределенности и асимметрии информации. При этом информационные и другие новшества не приводят к нейтрализации источников этих явлений. Весьма показательным, что в полной мере феномен асимметрии информации обнаруживает себя на сложившемся электронном рынке: и здесь информация покупателей о предоставляемых услугах оказывается далеко несовершенной и часто сознательно искажаемой.

В данной связи нельзя обойти вниманием известный феномен экстерналий, а более точно, побочных экономических эффектов, выступающих имманентным атрибутом несовершенного рынка. Особо значимое влияние на состояние многих рынков оказывают побочные эффекты, связанные с изменениями размеров и структуры социальных нерыночных услуг и распространением общественно значимых технологических достижений.

Логика подсказывает справедливость следующей гипотезы: чем более значимы негативные побочные эффекты, тем более несовершенна и неполна соответствующая рыночная система. К этому вопросу мы вернемся далее.

¹ Baumol W., Panzar J., Willig R. Contestable markets and the theory of industrial structure. N.Y., 1982.

Несовершенство и неполнота проявляется в отношении каждого рынка по своему. А это, в свою очередь, находит выражение в изъянах рыночной структуры. Явно не в соответствии с постулатами неоклассической экономической теории, современные рынки занимают заведомо неравное положение относительно друг друга.

Так, в настоящий период мирового экономического развития в полной мере обнаруживает себя феномен доминирования финансовых рынков. Крупнейшие банки по существу выступают главными «разводящими» игроками на мировой экономической арене. Здесь уместно сослаться на ежегодные рейтинги журнала «Форбс». И, конечно, следует принимать во внимание, что решающее влияние на деятельность крупнейших западных банков оказывают известные группы с особыми интересами.

Общеизвестно, что денежные потоки, циркулирующие в рамках финансовой сферы, во много раз превосходят денежный спрос, исходящий от агентов реальной экономики. И в последние годы, предшествующие кризису, эта диспропорция явно выразилась в перенакоплении финансового капитала – хотя бы по отношению к мировому ВВП.

Огромный фиктивный капитал оказался накоплен и в секторе страховых услуг. Его совокупные активы до сих пор существенно превышают активы всего банковского сектора.

Также гипертрофированно быстрыми темпами в последние десятилетия растут глобальный и национальные фондовые рынки. По-прежнему их финансовая база в огромной мере зависит от состояния сверхдоходных рынков – нефти и ряда других сырьевых ресурсов, вооружений, наркотических средств и др. Как следствие, на международном уровне спекулятивные мотивы операций с ценными бумагами остаются преобладающими. При этом действует мощный механизм воспроизводства фиктивного спекулятивного капитала. Ключевую роль в нем играют известные офшорные зоны, где сосредотачиваются спекулятивные и откровенно криминальные капиталы.

Лидирующее положение в современной экономической структуре занимают и другие транзакционные сектора. Особенно торговля и сектор услуг недвижимости, где формируются огромные доходы.

В целом процесс глобализации, в частности, экономической глобализации, оказался сопряжен с глубоким, кажущимся до сих пор непреодолимым противоречием между материальным производством, с одной стороны, и сферой услуг, торговлей и финансовой надстройкой, с другой. Об этом очень убедительно писал наш крупнейший российский социолог Александр Зиновьев¹.

¹ Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. СПб., «Нева», 2004.

Сложившаяся мирохозяйственная рыночная структура определенно не соответствует классическим представлениям об эффективном конкурентном рынке. Не соответствует она и представлениям о позитивном экономическом росте в решающей мере за счет повышения производительности труда и оборудования посредством технологических нововведений, за что ратовал еще Фридрих Лист¹.

В связи со сказанным нельзя обойти вниманием и знаменитый труд «Физическая экономика» Линдона Ларуша – идеологического вождя антиглобализма. В целом им был представлен правильный прогноз развития мировой экономики в последние десятилетия, намечавший далеко не «нулевой» рост в духе Римского клуба. Адекватной реальности представляется и выявленная Ларушем финансово-спекулятивная черта современного капитализма: «...обширное паразитическое разрастание мнимых ценностей финансового прироста исчисляется как рост национального дохода на равных правах с производством пищи и одежды, образованием, мостами, тоннелями, железными дорогами и рабочими местами в промышленности»².

Вместе с тем нельзя не обратить внимания на однобокость позиции Ларуша и его единомышленников-антиглобалистов. В первую очередь она проявляется в игнорировании кредитной основы современного рыночного предпринимательства. Динамичное развитие последнего невозможно на принципах традиционного товарно-денежного эквивалентного обмена, в их числе золотого стандарта.

2. Торжество корпоративного капитализма? Рынок как составляющая смешанной экономики

Очень часто экономику конца XX – начала XXI века называют корпоративной. Действительно, превалирующая роль корпоративного хозяйственного уклада не вызывает сомнений. По многим оценкам, крупные корпорации создают примерно две трети мирового валового продукта. Наверное, не стоит и повторять общеизвестных сентенций по поводу господства крупных корпораций на мировых рынках и большинстве национальных рынков, о чем однозначно свидетельствуют все те же ежегодные рейтинги журнала «Форбс». Сама по себе констатация этого факта означает признание не атомистического характера современной экономики и отсутствие совершенной конкуренции.

¹ Лист Ф. Национальная система политической экономии. М.: Европа, 2005.

² Ларуш Л. Физическая экономика. М.: «Научная книга», 1997, с. 121.

Справочно. Уместно вспомнить о поучительной истории возникновения первого в истории анклава капитализма в Нидерландах. Его исходный остов фактически составил возникший на основе родственных и других неформальных связей корпоратив (с неформальным долевым участием) примерно 60 купцов-предпринимателей из Амстердама и Гавани (так просто тогда назывался Роттердам), занимавшихся торговлей заморскими товарами.

Сначала о фактически сложившемся понимании термина «корпорация». Необходимо отметить, что под корпорациями понимаются крупные компании с акционерным капиталом, признанным на рынке, а не просто компании, основанные на групповой акционерной собственности, в буквальном смысловом понимании слова корпорация.

Среди преимуществ крупных корпораций исследователи чаще всего отмечают концентрацию производства и капитала, организацию массового производства с более низкими издержками и возможностями их снижения, эффективное использование технологических достижений. Огромное значение имеют и преимущества вертикальной и горизонтальной интеграции в рамках крупных корпораций, а также их способность адаптироваться к условиям финансового рынка, в первую очередь выражающейся в привлечении ресурсов для масштабных инвестиционных проектов посредством дополнительного размещения ценных бумаг на фондовом рынке.

Подавляющее большинство современных корпоративных рынков отличается олигопольный характер. На них действуют как механизм корпоративного (внутрикорпоративного) управления, так и механизм корпоративного регулирования на основе контрактов и неформальных договоренностей между самими олигополиями.

В целом, как показывают проведенные эмпирические исследования, институциональный механизм корпоративного управления оказывает позитивное влияние на деятельность компаний, особенно с преобладающими внешними источниками финансирования инвестиций¹.

Вместе с тем в современной экономической литературе очень часто обращается внимание на большую опасность чрезмерного корпоративного диктата. Он сопряжен с высокими управленческими затратами и подавлением инициативы менеджеров низших звеньев управления. В еще большей степени изъяны корпоративного управления обнаруживают себя на финансовом рынке. В большинстве корпораций миноритарии – владельцы маленьких пакетов акций – не оказывают значимого влияния на

¹ См., например: Bruno V., Claessens S. Corporate governance and regulation. The World Bank, 2007.

связанных взаимными интересами высший менеджмент и владельцев крупных пакетов акций – мажоритариев. Такая бесконтрольность нередко приводит к финансовым злоупотреблениям и прямым аферам. Стоит только напомнить о потрясшем США скандале с энергетическим гигантом – корпорацией «Энрон», руководство которой занималось мошенническими финансовыми операциями в офшорных зонах (главным образом сокрытием убытков) с целью искусственного повышения курса своих акций.

Происходящее первоначальное становление корпоративных институтов в нашей стране также оказалось сопряжено с большими издержками. Так, в условиях длительной рецессии на отечественном фондовом рынке акции многих потенциально конкурентоспособных корпораций фактически перестали котироваться по приемлемым ценам и в большинстве своем находятся в «недвижимой» собственности крупных отраслевых холдингов, находящихся под полным государственным патронажем. Сказанное касается, в частности, практически всех крупных высокотехнологичных корпораций оборонно-промышленного комплекса (ОПК). Исключение представляет только корпорация «Иркут», успешно производящая пользующуюся спросом на внешних рынках авиационную военную технику.

Несомненно, корпоративный рынок не является за редким исключением монопольным рынком. На большинстве рынков в реальной сфере между корпорациями ведется жесткая конкурентная борьба. Ее формы и методы хорошо изучены, в частности, на примере современного автомобилестроения.

В данной связи хотелось бы акцентировать внимание на новом понимании исследователями феномена монополизма/олигополизма в условиях доминирования крупных транснациональных корпораций. Речь идет о концепции рыночной власти в современной экономической теории¹, выходящей далеко за рамки традиционного рассмотрения феноменов монополии и олигополии на тех или иных рынках. Под рыночной властью понимается власть, одновременно опирающаяся на мощь контролируемого капитала (разумеется, не только собственного) и на располагаемые инструменты воздействия на рынок, то есть по сути дела на корпоративный капитал и внешнее корпоративное (надкорпоративное) регулирование.

В силу сказанного результаты деятельности крупной корпорации не могут адекватно выразить только показатели чистой прибыли или отношения чистой прибыли к собственному (авансированному) капиталу, как в классической и неоклассической экономической теориях. Критерий

¹ Полно и, главное, очень убедительно она представлена в работах Жана Тироля: Ж.Тироля. Рынки и рыночная власть. СПб: Экономическая школа, т.2, 2000; J. Tirole. The theory of corporate finance. N.Y., 2006.

максимальной реализации, отражающий исключительно текущие экономические результаты, также не может быть главным измерителем деятельности корпорации, выступающей ключевым субъектом инвестиционных рынков, в том числе фьючерсных. В расчет должна приниматься фактически вся структура корпоративного капитала. Наиболее объективными индикаторами работы корпорации, как показывают многолетние эмпирические исследования, выступают показатели величины совокупных активов и доли прибыли в цене, а точнее, в цене последней единицы реализованных товаров (услуг).

Феномен рыночной власти крупных корпораций непосредственно связан с доминирующим положением в современной экономике финансовых рынков, о чем уже говорилось выше. Национальные и мировые финансовые и особенно фондовые рынки являются важнейшими каналами увеличения капитала корпораций и тем самым их рыночной власти. Именно крупнейшие банки и наиболее значимые финансовые (инвестиционные) и страховые компании, с одной стороны, и сырьевые и торговые гиганты, с другой, располагают большей частью финансовых активов мировой экономики.

Контроль над потоками финансовых ресурсов и в целом движением капитала позволяет добиться максимального рыночного господства¹. Оно достигается путем поглощений (покупки крупных пакетов акций) и слияний. Фактически сводные и национальные фондовые индексы зависят от состояния «доминирующего» конгломерата компаний (в дальнейшем для краткости будем называть его ДКК). Его прибыль тоже максимальна в масштабе всей мировой экономики. Об этом свидетельствуют хотя бы имеющиеся оценки соотношения прибыли к продажам.

В то же время следует обратить внимание на известный «секрет». Ожидаемая с учетом фактора риска прибыль к собственному капиталу финансовых и сырьевых монстров оказывается примерно такой же, как у остальных. Главная причина тому заключается в гораздо более низкой скорости обращения капитала ДКК, в сравнении с остальными компаниями.

Соответственно, цены акций ДКК не отличаются от котировок акций других компаний. И с позиции обычных, не институциональных инвесторов ценные бумаги крупнейших лидирующих корпораций не предпочтительнее акций других компаний. В то же время фактическое рыночное преимущество над компаниями из других секторов, включая высокотехнологичный, финансовых компаний и связанных с ними партнерскими узами торговых и сырьевых ТНК огромно. Им открыт доступ на все мировые финансовые рынки и их анклавы, в частности, в офшорные зоны.

¹ Ж.Тироль. Рынки и рыночная власть. СПб., 2000.

В результате имеет место экстернальный, не отражаемый через существующие рыночные индикаторы эффект избыточного роста финансовых активов ДКК в отношении мирового и, тем более, национальных рынков капитала. Этот эффект следует считать однозначно негативным с точки зрения рационального распределения финансовых ресурсов и потоков капитала.

Впрочем, национальная экономика и, тем более, мультирегиональная/мировая экономика не могут быть полностью «инкорпорированы». Даже в самой много размерной экономике крупные корпоративные рынки, которые могут быть названы и олигопольно-корпоративными, всегда ограничены. Главная причина заключается в неизбежности существования относительно малоразмерных и локальных рынков. Здесь эффекты экономии на масштабах, горизонтальной и вертикальной интеграции не проявляют себя, и деятельность крупных корпораций не приносит желаемых результатов, прежде всего, финансовых.

В современной экономической литературе немалое внимание уделяется проблеме партнерства крупных корпораций и менее крупных предприятий, в основном не инкорпорированных. Современные контрактные (субконтрактные) механизмы в принципе позволяют добиться согласования интересов этих экономических агентов. Однако неравное экономическое положение участников контрактов рано или поздно, как показывает эмпирический опыт, приводит к серьезным сбоям в функционировании отдельных рынков и даже их полным провалам. И для предотвращения таких явлений требуется дополнительное адресное государственное вмешательство.

В условиях рыночного доминирования крупных корпораций общественно значимое социальное значение приобретает устойчивое и масштабное функционирование малого бизнеса, прежде всего в сфере услуг и реальной сфере региональной и местной экономик. Только при успешном разрешении этой проблемы, как убеждает опыт всех развитых стран, возможно обеспечение занятости и благосостояния для большинства граждан. И сама жизнь убеждает в необходимости общественной регуляции сектора малого бизнеса с помощью широкого арсенала рыночных инструментов.

Наконец, как давно доказано, совершенно автономным от крупного корпоративного бизнеса, включающего высокотехнологичных гигантов, выступает малый инновационный бизнес. Взаимодействие между малыми инновационными фирмами и крупными корпорациями также не может происходить на принципах полностью свободного рыночного обмена. Здесь также требуется гибкая политика государственного вмешательства в рыночные процессы.

В качестве дополнения к сказанному уместно обратиться к практике российского рынка.

За последние годы в России сложилась уникальная для стран с многогранной экономикой сверхконцентрация крупнейшего корпоративного капитала. Согласно результатам недавно проведенного обследования, 100 крупнейших российских корпораций обладают 97,3% национального капитала. Сказанное означает, что отечественным монополиям/олигополиям принадлежит подавляющая часть капитала всех остальных компаний. По сути дела практически все сектора отечественного народного хозяйства находятся в полной зависимости от крупнейших экономических «феодалов», которые, в свою очередь, очень сильно «опекаются» властью.

К настоящему моменту масштабы слияний (полные поглощения на отечественном фондовом рынке происходят весьма редко) достигли очень значительных размеров – в текущем году их объем возможно достигнет 100 млрд долларов. При этом подавляющая часть операций по покупке больших пакетов акций происходит ради диверсификации портфеля ценных бумаг крупных корпораций. Теперь они откровенно называются "вливаниями" (<http://www.mergers.ru/market/process/>), как в отношении приобретения компанией "Русал" (мажоритарный акционер – г-н Дерипаска) 25 % пакета акций "Норникеля".

В условиях долговременной рецессии на российском фондовом рынке выгодными оказываются исключительно спекулятивные операции через трейдеров инвестиционных и брокерских компаний в течение нескольких торговых дней. Долгосрочные же вложения в мелкие пакеты акций не приносят весомого дохода. Миноритарии могут утешить себя только иллюзией участия в управлении крупных корпораций.

Фактически рынок крупных пакетов акций, опосредствующий процессы интеграции, слияния и поглощения, оказался прочно захвачен крупнейшими российскими корпорациями, в большинстве своем с холдинговой структурой. Обычные предприятия – компании и после завершения процедур акционирования реально не имеют возможности кардинально укрупнить свой бизнес на основе использования огромного потенциала вертикальной интеграции и региональной кластеризации.

Как следствие, происходит фактическое усиление монополизации. Красноречивый пример в подтверждение сказанного – ситуация вокруг созданного несколько лет назад под предлогом необходимости кардинальной отраслевой модернизации концерна «Силловые машины», объединившего всех отечественных производителей сложного гидроэнергетического оборудования. Совсем недавно эта искусственно созданная монополистическая корпорация была фактически приобретена «Северсталью» г-на

Мордашова (заметим, через свою дочернюю фирму на Кипре) с прямого одобрения ФАС. И теперь можно констатировать уникальный для XXI века феномен – в потенциально высокотехнологичном сегменте рынка возникла сугубо частная монополия наподобие «Газпрома», которая неизбежно будет навязывать выгодные для себя условия гидроэлектростанциям и другим потребителям.

Представители власти громогласно заявляют о возникновении нового класса собственников-акционеров, в совокупности владеющих значительными пакетами акций «Газпрома», Лукойла, Сургутнефтегаза, Сбербанка, Норникеля, Автоваза, ГУМа. Налицо, по их мнению, если не народный, то демократический капитализм. Но это утверждение полностью несостоятельно. Новые собственники – реально высшие и средние менеджеры крупнейших корпораций, притом главным образом корпораций с государственным участием. По существу имеет место просто перераспределение акционерного капитала внутри сектора крупнейших корпораций.

Есть все основания полагать, что сверхкорпоративизм российской экономики проявляется в стагнирующем состоянии собственно некорпоративного бизнеса в реальной сфере. Как показывают результаты проведенных обследований журнала «Эксперт» в 2009, 2010 и 2011 гг., в России просто мизерно число потенциально конкурентоспособных компаний со средним по современным меркам капиталом (50-100 млн долларов). Отсутствие современного среднего бизнеса вполне закономерно сопряжено с глубокими, притом усилившимися за последние несколько лет региональными диспропорциями. По сути дела регионы, где не действуют крупные корпорации, оказываются в положении настоящих отверженных. При этом нельзя не обратить внимания и на замкнутость региональных экономик. Ни одного случая объединения средних промышленных предприятий разных регионов нам не известно.

В то же время существует огромное число небольших предприятий. В значительной своей части они финансово несостоятельны, заведомо не конкурентоспособны и мало привлекательны для высококвалифицированного персонала. По существу они выполняют функцию стабилизаторов занятости на уровне отдельных российских регионов.

Теперь об отечественном малом бизнесе. Сложившуюся структуру малого бизнеса в России нельзя оценить позитивно. Почти половина малых предприятий концентрируется в оптовой и розничной торговле. Особенно деформирована производственная структура малого бизнеса в обычных, далеких от Москвы провинциальных регионах. Здесь деятельность малых предприятий, в большинстве своем находящихся под полным контролем местной бюрократии, ориентирована на достижение сиюминутных коммерческих результатов заведомо вне инновационного

поля. Нельзя не учитывать и того, что обусловленная "сверхкорпоративным" прессом стагнация среднего регионального бизнеса в свою очередь резко лимитирует рост обычного малого бизнеса в реальной сфере. Продукция малых промышленных предприятий ориентирована исключительно на локальные потребительские рынки, где она находит весьма ограниченную реализацию вследствие конкуренции со стороны крупных производителей, в основном зарубежных.

В условиях неблагоприятного делового и инвестиционного климата осуществляемая масштабная государственная поддержка малого бизнеса в реальной сфере оказывается малоэффективной. В настоящее время она осуществляется в решающей мере посредством льготного кредитования малого бизнеса под поручительство региональных гарантийных фондов, в основном по-прежнему пополняемых из федерального бюджета. Однако процедура предоставления такого рода поручительств никак не регламентирована, да и сами поручители практически не несут никакой финансовой ответственности. Как и в советское время, все решается келейно в соответствии с преференциями региональной номенклатуры. В результате подавляющее большинство потенциально эффективных малых производственных предприятий оказываются лишенными каналов льготного кредитования и вынуждены брать кредиты на сугубо коммерческих условиях. Но даже минимальные кредитные коммерческие ставки, устанавливаемые Российским банком развития – главным кредитором малого бизнеса со стороны государства, непомерно высоки для обычного предпринимательства.

И совсем ничтожной остается доля малых предприятий непосредственно в инновационном бизнесе. В 2009 году на таких предприятиях трудилось немногим более 78 тысяч человек, а объем рыночной выручки был просто мизерным. В 2010–2011 годах ситуация в этом сегменте национальной экономики улучшилась весьма незначительно, несмотря на значительные усилия федеральных и региональных органов власти.

Очевидный недостаток механизма государственной поддержки малого инновационного бизнеса заключается в распределении ресурсов исключительно через региональные властные структуры, не доходя до конкретных предприятий. Фактически имеет место полное огосударствление процесса венчурного финансирования без серьезного привлечения частных инвесторов, тем более на конкурсной основе. Все вливания в инновационный малый бизнес осуществляются за счет государственного финансирования при более чем скромном участии новоявленных «бизнес-ангелов» – фактически все тех же российских олигархов. До настоящего времени частные инвесторы остерегаются тесного сотрудничества с государственной администрацией венчурных компаний и фондов; тем более что их маломасштабная деятельность оказалась практически не связана с

предоставлением средств из региональных гарантийных фондов, находящихся под прямым контролем администраций субъектов РФ. В качестве примера уместно привести особую экономическую зону в Дубне, где доля частных инвестиций составляет всего 6 %.

Из всего сказанного можно сделать немаловажное заключение. Феномен доминирования в современной экономике крупного корпоративного уклада, главным образом функционирующего на принципах заведомо несовершенного олигопольного рынка, неправомерно абсолютизировать. Неотъемлемым дополнением корпоративного сектора выступает некорпоративный сектор, в основном также объединяющий несовершенные рынки. При этом действия механизмов корпоративного регулирования и саморегулирования некорпоративных рынков определенно недостаточно для полного воспроизводства совокупного рынка в тех или иных его границах (национальных, мультирегиональных, глобальных). Это становится достижимым только благодаря экономико-политическому вмешательству государства и других субъектов общественной регуляции.

Корпоративизация и проходящая параллельно глобализация экономики определенно усложняют задачи государственной экономической политики¹. Теперь ее прерогативой становится обеспечение стабильности функционирования ограниченно конкурентных корпоративных рынков и их взаимодействия друг с другом и с некорпоративными рынками, в их числе инновационными. И есть весомые основания предполагать, что традиционные универсальные методы рыночного регулирования в дальнейшем будут во все большей мере дополняться методами гибкой и адресной структурной политики.

На наш взгляд, и в настоящий период корпоративизации и глобализации давно известная концепция национальной смешанной экономики, восходящая к Фридриху Листу, сохраняет свою правомерность². В соответствии с ней на национальном уровне рынок не является целостной экономической системой. Он представляет собой только часть экономической системы, в которую входит и государство как субъект экономической деятельности. Это в первую очередь означает, что наряду с частнопредпринимательской деятельностью в рамках корпоративных и других многообразных рынков смешанная экономика, регулируемая государством и обществом, включает в себя также различные виды государственного предпринимательства и частно-государственного партнерства.

¹ Acocella N. 2005. Economic policy in the age of globalization. Cambridge.

² Самуэльсон П. Экономика. М.: Прогресс, 1964.

3. О состоянии теоретических исследований современного рынка

Хорошо известны теоретические модели несовершенного рынка, принадлежащие Клауэру, Барро и Гроссману, а также Бенасси и Харту¹. Этим исследователям удалось успешно скорректировать классическую Вальрасианскую модель рыночного равновесия. В соответствии с реальным положением дел в моделях несовершенного рынка условия общего равновесия оказываются поставлены в непосредственную зависимость от ценового поведения экономических агентов на рыночных сегментах монопольного типа.

Однако неоклассический модельный аппарат не позволил отразить многоальтернативный выбор решений экономическими агентами, в значительной мере непосредственно не определяемый традиционными рыночными факторами (ценами, доходами и др.) и складывающийся под влиянием как макроэкономических факторов, в том числе государственной экономической политики, так и факторов неопределенности и риска. Не принимались во внимание в рассматриваемых теоретических исследованиях и фундаментальные различия между отдельными рынками, в частности, финансовыми и реальными.

Гораздо более реалистичное понимание закономерностей функционирования современного рынка в сравнении с неоклассической теорией дает обращение к современной (новой) институциональной теории. Институциональная экономика, характеризующаяся положительными трансакционными издержками на выполнение контрактов и большинства других рыночных сделок, просто не предполагает существование совершенного конкурентного рынка. Наряду с этим принципиальное значение имеет переосмысление прежних неоклассических представлений о степени рациональности решений рыночных и других экономических агентов (в том числе представляющих собой крупные организации) в условиях сложной структуры их взаимодействий, характеризующейся разной направленностью интересов и, в частности, оппортунистическим поведением. Речь идет о получившей широкое признание концепции ограниченной рациональности экономического поведения, принадлежащей Герберту Саймону².

Также уместно обратить внимание на реалистичный подход современных институционалистов к оценке результатов экономической дея-

¹ См.: Clower R. The keynesian revolution: a theoretical appraisal. // The theory of interest rates. N.Y., 1965; Barro R., Grossman H. Money, employment and inflation. Cambridge, 1976; Benassy J.P. Economics of market disequilibrium. N.Y., 1982. Hart O. Imperfect competition in general equilibrium. Quarterly journal of economics, 1985, N. 2.

² Саймон Г. Рациональность как процесс и как продукт мышления. Thesis, 1993, Т.1, №3.

тельности и экономической эффективности, учитывающий несовершенный, отчасти монопольный характер современных рынков и огромную значимость фактора рыночной неопределенности. Под эффективностью рынка понимается условная, ожидаемая с той или иной вероятностью, максимизация, трактуемая как результат определенного равновесного решения, вытекающего из принятой, базирующейся на эмпирическом знании институциональной конфигурации¹.

Несомненным достоинством институциональной теории является и ее ориентация на изучение проблем организации современных рынков. Это особенно проявилось в отношении исследования корпоративных рынков с их сложной организационной структурой².

Однако и исследования в русле современного институционализма до настоящего момента не привели к созданию целостной теории современного рынка, несовершенного конкурентного и неполного. Так, самый признанный современный экономист-теоретик Джозеф Стиглиц по существу констатирует отсутствие единой экономической теории и, в частности, отсутствие общей теории современной рыночной экономики³. Фактически имеются только теории функционирования отдельных рынков с несовершенной конкуренцией. Так, определенно существенный прогресс наблюдается в исследованиях закономерностей функционирования отдельных рынков, в частности, денежных и финансовых рынков (судя хотя бы по присужденным Нобелевским премиям по экономике).

В данной связи особо уместно обратить внимание на широкое использование в теоретических исследованиях поведенческих эконометрических моделей отдельных рынков, основанных на теории игр. Поистине фундаментальной по своему научному значению оказалась игровая модель равновесного социального выбора по Нэшу⁴. Эта модель, по мнению авторитетных исследователей, дает адекватное концептуальное представление "правдоподобного исхода" при относительно рациональном поведении рыночных агентов, применяющих смешанные стратегии и не сле-

¹ De Alessi. Property rights, transaction cost and X-efficiency: an essay in economic theory/ American Economic Review, 1983, v. 73, N.1; Сухарев О.С. Теория экономической эффективности. М.: Финансы и статистика, 2009.

² Уильямсон О. Экономические институты капитализма. Лениздат, 1996.

³ Стиглиц Дж. Информация и смена парадигмы в экономической науке. / Мировая экономическая мысль. Т.5, кн. 2. М.: Экономика, 2005.

⁴ Интересно отметить, что концептуальная теоретическая модель Нэша была посвящена именно проблеме игрового равновесия между социальными акторами в их широком понимании. Ее автор – гениальный совсем молодой (в тот момент) математик Джон Нэш был просто незнаком с экономической теорией. См.: Nash J.F. The bargaining problem. Econometrica, 1950, No. 1.

дующих так называемым доминируемым, по сути своей бескомпромиссным стратегиям.

4. О методологии структурного институционализма. Институциональная структуризация смешанной экономической системы

Общественная полезность несовершенного, не эффективного, по Парето, рынка не может быть определена, исходя из автономных критериев. Для оценки его роли в макро- экономической системе требуется принимать во внимание взаимодействия с другими рынками. Сказанное, стоит заметить, особо касается относительно автономных рынков – таких, как военно-промышленные. Тем самым возникает необходимость обращения к «вечной» проблеме рыночной структуры на уровне национальной экономики, мультирегиональной и глобальной экономики.

Наверное, не требует аргументации то положение, что наилучшим образом исследование взаимодействий между различными рынками становится возможным путем их структурирования в рамках определенной экономической системы. Распространение исследований конкретных рынков и других областей экономической деятельности на системный уровень позволяет, как показывает длительный опыт применения межотраслевых моделей леонтьевского типа (другой вопрос – насколько адекватно?), оценить их место и роль по степени позитивности жизни общества.

Принципиально важно и то обстоятельство, что экономические системы являются открытыми, они выступают подсистемами универсальных систем того или иного социума. Тем самым существует принципиальная возможность для оценки взаимодействия рыночных и неэкономических процессов, которое оказывает очень значимое влияние на жизнь современных обществ.

Также, с позиции сегодняшних научных представлений, трудно оспоримой представляется аргументация в пользу институциональной структуризации рыночной и в целом экономической деятельности. Такая структуризация однозначно предпочтительнее традиционных ресурсно-отраслевой и организационно-хозяйственной градаций. Она позволяет в наиболее полной мере учесть именно качественные различия между различными рынками и видами предпринимательства (включая государственное), что необходимо для оценки их системного эффекта.

В данной связи позволим себе повторить нашу позицию¹. Институциональное структурирование современных рынков в рамках экономиче-

¹ См.: Мартынов А. Об обновленной концепции экономической трансформации. // Общество и экономика, 2011, № 4-5.

ской системы – не самоцель. Плодотворное автономное исследование рыночных институтов как качественных параметров экономической деятельности возможно только в отдельных узких областях, о чем свидетельствует длительный опыт применения так называемого прикладного институционального анализа¹. Исследование институциональной структуры имеет смысл главным образом в непосредственной увязке с движением ресурсов, в их числе потоков капитала, и поведением конкретных субъектов – корпораций, обыкновенных фирм, государственных и некоммерческих организаций, индивидуальных предпринимателей и, конечно, основных групп потребителей. Соответственно, одним из императивов такого исследования выступает хотя бы приближенное определение системной экономической эффективности, отражающей полный кумулятивный эффект всех видов экономической деятельности. При этом нельзя игнорировать то обстоятельство, что только оценки эффективности использования тех или иных ресурсов реально квантифицируемы и понятно интерпретируются с позиций экономической политики.

В реальной экономике наблюдается очень широкое разнообразие институциональных порядков. Так, в частности, в экономической практике обычно выделяют частные порядки – финансовый, денежный, внешне-экономический и др. Однако для системного исследования гораздо более значимы общие или основные институциональные порядки, распространяющие свое действие на все процессы в рамках значительной части экономического поля.

В первую очередь, функционирование институционального каркаса нормально развивающейся экономической системы предполагает наличие самодостаточных основных порядков. Каждый из институциональных порядков такого рода распространяет свое действие на большую часть этой системы. В результате благодаря свойству самодостаточности основных институциональных порядков в принципе любое действие может найти институциональное обеспечение.

Применительно к экономическому полю можно выделить несколько основных институциональных порядков. В первую очередь к ним относится официальный порядок, включающий в себя, в частности, все государственные экономические институты. Либеральный порядок, действующий на принципах рыночного саморегулирования, составляет только часть основного официального порядка в рамках экономического поля. Для любой национальной экономики (экономика США тоже не является исключением) характерно наличие широкого состава институтов государ-

¹ Наиболее полно он представлен в работах А. Шаститко. См., в частности: Шаститко А.Е. Новая институциональная экономическая теория. М.: Теис, 2010.

ственного регулирования. Велика роль этих институтов и на наднациональном уровне.

Обозначенный порядок объективно дополняет официальный порядок, действующий в сфере общественного потребления (в частности, включающий регламентации деятельности государственных предприятий). Заметим, что последний вбирает в себя в той или иной пропорции, очень существенно варьирующейся по разным странам, административные и рыночные регламентации.

Кроме того, и в рыночной сфере, и в сфере общественного потребления действуют теневые порядки. Они также удовлетворяют требованию самодостаточности.

Для любой экономической системы характерно наличие многих основных в рассматриваемом смысле институциональных порядков, притом взаимно переплетающихся друг с другом. Непосредственное исследование всей их большой совокупности представляется весьма затруднительным.

Тем не менее, выход из положения, по нашему представлению, существует. Он заключается в «разложении» основных институциональных порядков на универсальные базовые порядки. По существу они выражают “чистые” стратегии поведения акторов и играют роль ортогональных векторов, через которые может быть выражен фактический набор основных институциональных характеристик состояния всей экономической системы.

Универсальные базовые порядки призваны вбирать в себя целостную совокупность институтов, функционирующих в соответствии с исходными конституирующими принципами. Имманентной чертой базового порядка выступает взаимообусловленность и рекурсивность относящихся к нему институтов. Каждый из базовых порядков может быть представлен в виде многоуровневой совокупности институтов, взаимодействующих друг с другом. Вершину этого “дерева” занимают корневые институты – фундаментальные правила, которые конкретизируются на более низких уровнях.

В результате такого рода порядки выглядят как иерархически упорядоченный набор правил, когда правила определенного уровня логически вытекают из правил вышестоящего уровня, начиная с фундаментальных корневых правил. Вместе с тем, как показывают многие исторические примеры, внутренняя структура базовых порядков может быть весьма далекой от рациональных стандартов и избыточной с точки зрения потребных транзакционных издержек для ее воспроизводства.

Относительно друг друга базовые порядки однозначно являются конкурентными. В реальном пространственно-временном измерении у экономических агентов всегда существует альтернатива выбора действия, регулируемого разными базовыми институциональными порядками. В экономической системе в качестве базовых порядков выступают порядки

саморегулирования, общественной или государственной регуляции, а также группового или корпоративного регулирования.

Следуя современной институциональной парадигме, части экономической системы составляют одно целое благодаря действию механизмов общественной регуляции. Тем самым функционирование порядка общественной регуляции по существу выступает неотъемлемым условием выполнения свойства системной эмерджентности.

Конечно, неправомерна трактовка институтов общественной регуляции как административных регламентаций. Известные косвенные инструменты регулирования рынка также входят в состав институтов общественной регуляции. В рамках конкретной экономической системы фактически все нормы и правила, реализуемые посредством деятельности органов государства и других субъектов от имени всего общества, представляют рассматриваемый институциональный порядок.

В то же время применительно к любой экономике неправомерно приумножение значимости, по крайней мере, потенциального, базового порядка саморегулирования. Его функционирование позволяет обеспечить возможность свободной и предприимчивой экономической деятельности для большинства социальных субъектов. В результате жизнь современного развитого общества происходит с помощью весьма широкого состава регламентаций, принимаемых посредством свободного выбора конкретных экономических агентов.

Очень велика и значимость институтов, представляющих порядок корпоративного регулирования. Именно корпоративные структуры, к которым в том числе относятся сетевые, доминируют в экономической жизни. Правда, при этом было бы неправомерно не признавать заведомую ограниченность действия подавляющего числа групповых норм и правил рамками отдельных зон взаимодействий в рамках экономической системы, в частности, внутри крупных корпораций и многозвенных некоммерческих организаций.

Трудно не согласиться с тем, что указанный порядок во многом выступает производным от порядков саморегулирования и общественной регуляции как исходных основополагающих. В частности, как известно, регламентации поведения внутри крупных современных рыночных фирм по существу являются симбиозом правил независимого поведения и правил поведения в соответствии с административными предписаниями и другими регламентациями, установленным руководством. По существу современное корпоративное управление характеризуется свободным принятием решений менеджерами, с одной стороны, и ориентацией на достижение общефирменных целей, с другой.

Вместе с тем, имеет смысл особо подчеркнуть, что институты группового (корпоративного) регулирования в принципе автономны. Они функционируют в результате деятельности организаций как самостоятельных игроков на экономическом поле, хотя в отдельных странах это происходит исключительно формально.

Каждый в отдельности базовый в рассматриваемом понимании институциональный порядок заведомо не является самодостаточным в реальной жизни общества, на что справедливо обращается внимание в работах немецких институционалистов,¹. Так, например, несамодостаточность порядка саморегулирования в полной мере проявляется в отношении деятельности естественных монополий или сходных с ними экономических агентов. В реальном бизнесе большинство хозяйственных решений реализуется в результате наложения друг на друга действий институтов, относящихся к разным базовым порядкам.

Вполне закономерно современным экономическим системам присущи заведомо «смешанные» институциональные структуры, когда действие институтов одного базового порядка всегда дополняется действием институтов, функционирующих на основе других конституирующих принципов. Более того, основные сегменты этого поля могут существенно различаться с точки зрения сочетания действующих в их рамках базовых институциональных порядков.

Очень важное значение также имеет следующий момент: последовательная идентификация в рамках экономической системы базовых институциональных порядков позволяет выявить ее фундаментальную специфику и принципиальные отличия от других экономических систем. Это может быть опять-таки проиллюстрировано на примере российской экономики. Проведенные исследования однозначно свидетельствуют о явном доминировании порядка государственной регуляции относительно порядка корпоративного регулирования и, тем более, порядка саморегулирования, что совсем не присуще современным экономическим системам западных стран.

Как уже отмечалось, в большинстве секторов отечественной экономики абсолютно преобладают крупнейшие корпорации с государственным участием, находящиеся под полным контролем государственной власти и российских олигархов. Здесь фактически имеет место сращивание государственного капитала (в первую очередь консолидированного в АО "Кремль") и капитала олигархов – мажоритарных владельцев крупнейших корпораций. Не вызывает сомнений и главенствующее положение институтов государственной регуляции в финансово-

¹ Теория хозяйственного порядка. М.: Экономика, 2002, с. 230-232, 246-252

банковской сфере. По сути дела до настоящего момента на основных денежных и кредитных рынках доминируют всем известные федеральные банки (Центральный банк, Сберегательный банк, Внешэкономбанк, ВТБ и др.) и региональные банки (такие, как Банк Москвы и банк Татарстана) с государственным капиталом, ориентированные непосредственно на интересы государственной власти.

Обозначенные отличия корневой институциональной структуры отечественной экономики от соответствующей структуры экономической системы глобального капитализма, основные контуры которой определенно сформировались, глубоки и трудно преодолимы даже в среднесрочной перспективе. По этой причине быстрый (рекомендуемый многими западными экспертами, заметим в скобках) процесс сближения с глобальным капиталистическим миром после окончательного вступления России в ВТО может оказаться очень болезненным и быть сопряжен с огромными не компенсируемыми потерями материального и особенно человеческого потенциала как в период радикальных рыночных реформ 1992–1995 гг. Так, по данным, опубликованным в журнале «Эксперт», Россия, вступая в ВТО, отдаст зарубежным компаниям вчетверо больший объем рынков, чем получит шанс отвоевать у них; в годовом выражении это составит 90 миллиардов долларов против 23. Стоит добавить, что эксперты Всемирного банка также полагают, что прямые иностранные инвестиции, вероятно, могут повлечь глубокий спад производства в компаниях, находящихся в собственности россиян.

В целом рассмотренный подход к структуризации институциональных порядков дает возможность отразить с необходимой полнотой многообразие взаимодействий экономических агентов. По сути дела все они оказываются соотнесенными с определенными сегментами этих полей и сложившимися на них институциональными порядками. Каждый рынок получает свою специфическую институциональную кодировку с точки зрения представленных на нем частных и базовых институциональных порядков. Одновременно могут быть, по крайней мере, приближенно, идентифицированы внешние относительно данного рынка институциональные порядки в рамках определенной экономической системы, а также значимые внесистемные институциональные и другие факторы.

Как следствие, количественные индикаторы функционирования конкретного рынка – индикаторы доходности, степени конкуренции (обычно измеряемой с помощью индекса Херфиндаля-Хиршмана), степени технологичности и др. – оказываются непосредственно соотнесенными с качественными институциональными характеристиками. Это позволяет сопоставить результаты функционирования различных рынков в зависимости от их институционального потенциала с учетом прямых и косвенных

транзакционных издержек. Кроме того, известные индикаторы взаимодействий между различными рынками (отношения промежуточного продукта к конечному продукту, соотношения секторных цен и др.) также могут быть «раскрыты» с помощью институциональных кодировок. В итоге оказывается возможным с максимальной информационной полнотой и объективностью, исходя из качественных характеристик, оценить системную эффективность функционирования конкретных рынков при выполнении, конечно, условия относительной экономической стабильности.

5. К проблеме побочных эффектов

Как известно, в традиционных экономических исследованиях доминирует узкая трактовка экстерналий – побочных эффектов. Под ними понимаются воздействия на положение любых экономических субъектов рыночных процессов, не отражающихся на изменениях цен, издержек и других стоимостных индикаторов¹. При этом феномен такого рода эффектов главным образом рассматривается в связи с проблемами естественных монополий, некоммерческого социального предпринимательства, потребления общественных благ и изменения состояния окружающей среды.

Институциональная структуризация рынков в рамках смешанной экономической системы позволяет дать новую трактовку феномена побочных эффектов в широком их понимании в соответствии с современными реалиями.

Так, с позиции структурного институционализма целесообразно выделение побочных внутрисистемных экономических эффектов. Они проявляются в существенной перемене состояния сегмента экономической системы, не затрагивающей действующий на нем институциональный порядок, и выступают следствием сдвигов в рамках других внутрисистемных экономических институциональных порядков. Вполне показательный пример такого рода – очень значимое косвенное воздействие на функционирование сектора венчурного бизнеса изменения рамочных институциональных условий в сопряженном высокотехнологичном производственном секторе.

Побочные внутрисистемные эффекты возникают и в процессе горизонтальной интеграции. Наиболее известный из эффектов такого рода вызывается деятельностью фирмы, заключившей договор франчайзинга и целенаправленно снижающей качество предоставляемых услуг ради финансовой выгоды.

¹ Cornes R., Sandler T. The theory of externalities, public goods and club goods. Cambridge, 1986.

Также с проблемой побочных эффектов связан процесс вертикальной интеграции, неотъемлемо присущий как раз корпоративным рынкам. Особенно явственно эта связь обнаруживает себя в случае монополизации (олигополизации) взаимосвязанных рынков промежуточного продукта, когда действие побочного эффекта приводит к установлению последовательных ценовых надбавок и, соответственно, к явному завышению продажной цены на создаваемый конечный продукт. Вертикальная интеграция управления позволяет, как это хорошо известно на примере объединения нефтедобычи, нефтепереработки и самой реализации автобензина в одну корпоративную структуру, использовать промежуточный продукт без дополнительных рыночных (торговых) издержек, тем самым снизив продажную цену конечного продукта. Одна монополия оказывается лучше, чем две.

Кроме того, развиваемый методологический подход позволяет принимать в расчет весомые изменения состояния части, да и всей экономической системы вследствие действия внесистемных побочных эффектов, в их числе внеэкономических. Эти эффекты постоянно индуцируются происходящими внесистемными, экономическими и внеэкономическими, институциональными переменами. Так, на темпы развития любой национальной экономики неизбежно существенное влияние оказывают трансформации политических институтов соответствующей страны, часто не сопровождаемые значимыми переменами экономических институтов. И можно утверждать, что значимость феномена внеэкономических системных эффектов еще более усиливается в настоящий период явно противоречивого мирового развития.

Сформулированные представления о действии рыночных побочных эффектов могут быть формализованы. Так, проявление внутрисистемных побочных эффектов, не выражаемых через действия экономических институтов, на уровне отдельных рынков может быть представлено с помощью следующей формулы:

$$YS = YS (II) + YS (II, NII) \quad (1)$$

где: YS - результирующий индикатор функционирования рынка; II - параметры внутреннего институционального порядка; NII - факторы внутрисистемных побочных эффектов.

В свою очередь, проявление внесистемных побочных эффектов на уровне отдельных рынков может быть зафиксировано таким образом:

$$YS = YS (II) + YS (II, EI) + YS (II, EI, NI) \quad (2)$$

где: EI - параметры внешних институциональных порядков; NI - факторы внесистемных побочных эффектов.

Аналогичным образом может быть представлена зависимость деятельности определенного экономического агента (i) от институциональных параметров и побочных эффектов:

$$Y_{Si} = f_1(II) + f_2(II, EI) + f_3(II, EI, NI) \quad (3)$$

Стоит отметить, что качественная зависимость такого рода в принципе может быть приближенно квантифицирована, исходя из традиционных экономических измерителей. Действительно, в близком приближении внутрисистемные институциональные параметры могут быть выражены через внутренние цены, уровни налогов и другие стоимостные индикаторы (VI), а в внесистемные институциональные параметры – через внешние (мировые) цены и другие внешние стоимостные индикаторы (VF). И если в качестве измерителя деятельности агента использовать показатель выпуска (Y_i), то влияние внесистемных побочных эффектов может быть выражено через основной не ценовой показатель – выпуск внешних рыночных агентов (Y_{E_i}). В итоге, зависимость (3) может быть приближенно представлена в таком виде:

$$Y_i = f_1(VI) + f_2(VI, VF) + f_3(VI, VF, Y_{E_i}) \quad (3')$$

Теперь имеет смысл непосредственно обратиться к центральной проблеме функционирования современного рынка – преодоления негативной экстерналии. Следуя признанным теоретическим представлениям, побочные эффекты нейтрализуются в случае достижения их равного влияния на выгоду/ущерб (ΔP_i) конкретных экономических агентов. Тем самым формально условие оптимальной корректировки негативного побочного эффекта может быть зафиксировано таким образом (в полной мере данное условие может быть смоделировано с учетом специфической конфигурации взаимодействий экономических субъектов в рамках конкретных рынков):

$$\Delta P_i / \Delta Y_i = \Delta P_j / \Delta Y_j \quad (4)$$

Определенно возможна интернализация побочных эффектов в рамках базового порядка саморегулирования. Экономические агенты договариваются посредством заключения контракта об условиях компенсации за отрицательный побочный эффект. Тем самым его влияние оказывается институционализированным, то есть поставленным в зависимость от стоимостных рыночных параметров.

Именно эффективное использование потенциала институтов рыночного саморегулирования предполагает знаменитая теорема Коуза. Как известно, вытекающий из нее главный содержательный вывод состоит в возможности интернализации побочных эффектов путем заключения необходимых контрактов, прежде всего, в отношении существующих прав

собственности, между несколькими заинтересованными сторонами, но при условии отсутствия значимых транзакционных издержек и эффектов распределения и перераспределения доходов (богатства).

Однако на большинстве сегментов реального рынка условия для заключения контрактов, оговоренные в теореме Коуза, практически не выполняются. Так, большинство многосторонних сделок, совершаемых в рамках современных олигополистических рынков, сопряжены с огромными транзакционными издержками, обусловленными необходимостью минимизации коммерческого риска. А на уровне современной национальной экономики действует великое множество рыночных агентов, вступающих в коалиции, очень велики транзакционные издержки по защите и обеспечению прав собственности и крайне значимо проявляются эффекты распределения и перераспределения доходов и ранее накопленного богатства.

Теорема Коуза трудно применима и в отношении обмена прав контроля за акционерным капиталом между инвесторами¹. Основные причины хорошо понятны: высокие транзакционные издержки, обусловленные неравенством инвесторов-акционеров, асимметрия информации в отношении различных групп инвесторов (в первую очередь мажоритариев и миноритариев), вероятная ограниченная ликвидность акций.

Тем самым правомерно утверждать, что в полной мере отношения полной контрактации по Коузу возможны только в рамках атомистической экономики, где действует институт совершенной конкуренции и в полной мере превалирует базовый порядок саморегулирования. В рамках же современных несовершенных рынков даже для частичной нейтрализации большинства побочных эффектов требуется заключение многосторонних контрактов, включающих в себя различные институциональные регламентации. В основном они призваны укладываться в корпоративный институциональный порядок. И как показывает эмпирический опыт, такого рода контрактная практика обычно связана с заключением долговременных коалиционных соглашений. Но на коалиционных рынках в принципе недостижимо стабильное равновесие². И при существовании множества коалиций, выступающих в роли рамочных условий контрактных соглашений, последние оказываются заведомо не стабильными и нуждаются в постоянном пересмотре. При этом изменения коалиционных рамочных условий, как правило, чреваты подавлением конкурентных сил и стагнацией рынков.

¹ J. Tirole. The theory of corporate finance. N.Y., 2006, p. 410.

² В неразрешимости этой проблемы убеждает сам трагический исход жизни Джона фон Неймана – гениального создателя теории игр.

Впрочем, нередко можно слышать категорическое утверждение: государство должно пресекать коалиции! Но как реально этого добиться? В настоящий период, имея в виду практический опыт ЕС, одним из главных средств государственного воздействия на рыночные процессы становится антимонопольное регулирование. Предполагается, что с его помощью, то есть посредством финансовых санкций, могут быть предотвращены сговоры крупных рыночных игроков¹. Однако однозначного критерия, по которому можно было бы заключить о наличии стратегической коалиции, пока не найдено. Как правило, крупные корпорации находят юридические контраргументы против их обвинения в заключении неявных, прямо не связанных с ценовым или другим очевидным рыночным сговором, стратегических коалиций. Сказанное подтверждает пример России. Здесь крупнейшие российские нефтяные компании постоянно договариваются о ценах. Тем не менее, ФАС ни разу не удалось доказать их вину в судебном порядке.

В контексте сказанного правомерным представляется следующее утверждение. С учетом объективной неполноты институтов рыночного саморегулирования и корпоративного регулирования, вызываемое побочными эффектами существенное отклонение состояния того или иного рынка от области эффективного функционирования может свидетельствовать о целесообразности дополнительной институциональной поддержки со стороны государства и других субъектов общественной регуляции. Это может быть проиллюстрировано на хрестоматийном примере экстернального эффекта в инновационной сфере. Здесь, как известно, действие конкурентных механизмов требуется дополнять, тем более, в условиях несовершенных по своей структуре обычных промышленных рынков, механизмом гибкого и селективного стимулирования инноваторов².

Вместе с тем нейтрализация негативных побочных эффектов посредством адресных изменений институциональных регламентаций со стороны государства, также как и его финансового регулирования с помощью налогов или субсидий, государственного предпринимательства и деятельности частно-государственных партнерств, может быть сопряжена с непомерными относительно достигаемых результатов издержками. К ним следует относить как прямые бюджетные издержки, так и косвенные в виде неправомерного утверждения государственного диктата, а точнее, диктата государственной бюрократии над отдельными рынками. До сих

¹ Шаститко А.Е. Коллективное доминирование на рынке. М. МАКС-Пресс, 2011; Развитие и применение антимонопольного законодательства в России. М. МАКС-Пресс, 2011.

² Нельсон Р., Уинтер С. Эволюционная теория экономических изменений. М.: Финстатинформ, 2000.

достаточно популярной остается негативная в целом оценка адресной политики рыночного регулирования. Так, некоторыми авторами в этой роли государство рассматривается как оседлый бандит.¹

Таким образом, можно сделать заключение об отсутствии однозначного рецепта разрешения проблемы побочных эффектов в экономической системе. Правомерно сочетание всех трех основных способов нейтрализации этих эффектов посредством использования альтернативных институциональных механизмов рыночного саморегулирования, корпоративного регулирования и государственного регулирования.

Впрочем, в дополнение к сказанному нужно обратить внимание на широко распространенную позицию в пользу выбора со стороны государства в весьма вероятной ситуации рыночной неопределенности политики максимального дерегулирования. Главный аргумент сторонников этой позиции вполне понятен. Стимулы экономической свободы и предпринимательской активности, когда государство препятствует только бесспорным дестабилизирующим последствиям взаимных решений экономических агентов, побуждают последних к нахождению методом проб и ошибок наиболее выгодных соглашений друг с другом. Аналогия с движением автотранспорта на нерегулируемом перекрестке, при котором в условиях пробок наблюдаются гораздо меньшие заторы по сравнению с движением при действующем светофоре, здесь напрашивается.

Вполне очевидна уязвимость этой внешне привлекательной позиции. Немногочисленные рыночные агенты, в первую очередь представляющие транснациональный, крупный корпоративный и банковский капиталы, имеют огромные преимущества перед большинством остальных рыночных агентов в условиях нерегулируемой рыночной игры. И в случае длительного воспроизводства такого неравенства стимулы предпринимательской активности неизбежно гасятся. При любых обстоятельствах государство должно ограничивать рыночную власть крупных корпораций и финансовых организаций и добиваться ее справедливого перераспределения между остальными участниками рыночного процесса.

В завершение сказанного правомерно снова обратиться к реалиям российской экономики. Здесь наиболее значимые негативные побочные эффекты проявляются вследствие деятельности сверхкрупного корпоративного бизнеса. В качестве примера уместно упомянуть о приоритетном обеспечении электроэнергетическими ресурсами ведущих российских корпораций и их заведомом ограничении для предприятий среднего и малого бизнеса во многих регионах России.

¹ McGuire M., Olson M. The economics of autocracy and majority rule: the invisible hand and the use of force. *Journal of economic literature*, 1996, N. 1.

При сложившейся институциональной структуре национальной экономики России было бы опрометчиво возлагать большие надежды на саморазвитие практики контрактных и субконтрактных соглашений, предусматривающих компенсацию ущерба за побочные эффекты. Такого рода контрактная практика, как показывают конкретные случаи, приводит к еще большей зависимости относительно небольших предприятий от крупных и крупнейших корпораций.

В настоящий период экономического развития России гораздо более действенным путем преодоления негативных побочных эффектов выглядит реализация долгосрочной стратегии по реформированию рынка капитала. Это в первую очередь предполагает выкуп государством у олигархических корпораций акций потенциально конкурентоспособных технологичных предприятий и затем проведение переоценки их капитала — основных фондов технологичных предприятий посредством привлечения авторитетных аудиторских фирм. Кроме того, приоритетным направлением реформирования рынка капитала должна стать быстрая реализация программ территориального развития и региональных инвестиционных проектов при параллельном создании полноценной инвестиционной/фондовой региональной инфраструктуры. Тогда вследствие существенного улучшения инвестиционного климата в обычных (провинциальных) регионах можно будет ожидать появления новых состоятельных средних компаний, а значит, и возникновения благоприятной среды для развития равноправных контрактных отношений и нейтрализации негативных рыночных экстерналий.
